

Шуклина С.А.

УДК 572.026:061.22»18/19»(47 7.75)

**ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИТЕТА ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА О НАРОДНОЙ
ТРЕЗВОСТИ В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ (1894 -1914)**

Аннотация. Автор исследует деятельность общественной организации Комитета попечительства о народной трезвости и частных лиц в развитии системы образования и пропаганде здорового образа жизни в Таврической губернии (1894-1914). Исследование основано на архивных материалах.

Ключевые слова. местное самоуправление, Комитет попечительства о народной трезвости, образование, Таврическая губерния.

Анотация. Автор досліджує діяльність громадської організації Комітету піклування про народну тверезість і приватних осіб в розвитку системи освіти і пропаганді здорового способу життя в Таврійській губернії (1894-1914). Дослідження виконано на основі архівних матеріалів.

Ключові слова. місцеве самоврядування, Комітет піклування про народну тверезість, освіта, Таврійська губернія.

Summary. The author investigates the activity of the public organization The Committee of the consideration for the people's sobriety and private persons for the development of the system of education and the popularization of a healthy lifestyle in Tavrida province (1894-1914). The investigation was based on a wide range of archival sources. An idea whose time has come... The Committee of the consideration for the people's sobriety was established in 1894 by the government, employing state treasury funds in a public movement against mass alcoholism. The local offices of the Committee acted in the territory of Tavrida province as a national public organization until 1914. The internal difficulties which the Russian government had to grapple with were increased by the influence of mass alcoholism.

The other side of the problem was the rise of the people's cultural level through education. The author considers the problem of organizing several local offices as a part of the domestic policy approved by Emperor Nicolas II.

As a result of the investigation the author concludes that the Emperor entrusted the direction of The Committee to local leaders. Both landed gentry and common people were involved in the service and made incomparable contributions to cultural life. The article gives examples of interesting experiences of cooperation between rich and poor people as they worked to develop cultural institutions in Russia. A number of libraries, tea-houses, Sunday-schools, auditoriums, amateur theaters and musical troupes were established.

The article draws on archive materials which report that The Committee dealt with the spread of literacy and the creation of orchestras and choirs in Tavrida province. These materials indicate that the Committee spent a lot of money on newspapers and magazines and give other important facts. Another significant consequence of the local offices was the verdict to prohibit the sale of alcoholic beverages during the holy days.

The Committee was the largest public organization, and the Committee's participants acted according to the internal policy of the Russian government. In 1904 a review was made of information about all aspects of the activities of The Committee, and the author argues that the cultural level of the population has grown considerably.

Keywords. local self-government, The Committee of the consideration for the people's sobriety, education, Tavrida province.

Актуальность исследования о деятельности на территории Таврической губернии одной из крупных общественных организаций объясняется выявлением малоизвестных неопубликованных архивных материалов на тему о развитии культурных инициатив правительства, поддержанных населением на протяжении почти десяти лет. Очевидно, что спустя столетие после прекращения деятельности Попечительства проблема борьбы с пьянством несколько не утратила актуальности и стоит в нашем обществе достаточно остро.

Объектом исследования стали отчёты Комитета попечительства о народной трезвости в Таврической губернии и материалы на эту тему по всей империи.

Целью статьи стало обнародование и осмысление уникального опыта борьбы с пьянством, которое на правительственном уровне было признано национальным бедствием, и на искоренение которого были выделены большие средства из бюджета, а после расширения практики борьбы с ним и осуждения этого явления привлекались средства добродетелей-благотворителей.

На территории Таврической губернии действовал Комитет Попечительства о народной трезвости – всероссийской общественной организации, возникшей одновременно с введением казённой продажи питей в 1894 году и прекратившей свою деятельность во время Первой мировой войны. Необходимо сказать об условиях возникновения этих обществ и целях, которые ими преследовались, о времени их возникновения в момент завершения тринадцатилетнего правления императора Александра Третьего и перехода императорской власти к его сыну Николаю. О репутации Александра Александровича спустя 15 лет после его смерти писал один из самых знаменитых государственных деятелей последнего периода существования Российской империи Сергей Юльевич Витте, замечая, что преемственность идей и их воплощение в жизнь были непременным условием государственного правления: «Император Александр Третий говорил, что его крайне мучает и смущает то, что русский народ так пропивается и что необходимо принять какие-нибудь решительные меры против этого пьянства. Как известно, ещё в конце царствования императора Александра Второго вопрос этот возбуждался, но принимались все меры паллиативные, так как в то время признавали существующую акцизную систему питей такой системой, которая не может подлежать никакому

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИТЕТА ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА О НАРОДНОЙ ТРЕЗВОСТИ В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ (1894 -1914)

изменению; считали, что эта система – наилучшая из всех систем, существовавших раньше по этому предмету. Поэтому в последние годы царствования императора Александра Второго собиралось много различных съездов, имевших целью предложить такие меры, которые бы при акцизной системе в известной степени стесняли продажу питей. Но эти две вещи – акцизная система и стеснение торговли и производства – вещи довольно несовместимые или по крайней мере на практике трудноисполнимые, а потому все эти меры ни к чему и не приводили. Император Александр Третий сердцем желал помочь в этом отношении русскому народу. После долгих разговоров он пришёл к заключению, что паллиативными мерами сделать ничего нельзя, а потому он решил ввести питейную монополию, т.е. провести меру, по своему объёму и по своей новизне совершенно необычную, чрезвычайно новую, не существовавшую, не известную в практике западных стран и вообще всего мира.

Основная мысль питейной монополии заключается в том, что никто не может продавать вино, иначе как государство, и производство вина должно быть ограничено теми размерами, в каких сие вино покупает государство, а следовательно, и удовлетворять тем условиям, какие государство ставит как покупатель. Кто подал эту мысль императору Александру Третьему – мне неизвестно. Говорят, будто мысль эту подал известный публицист Катков (основатель Катковского лицея). Действительно, в те времена в «Московских ведомостях» появились передовые статьи редактора этой газеты Каткова, которые пропагандировали мысль о питейной монополии...».[1]

Идейная сторона этой пропаганды нас может интересовать больше, чем экономическая, потому что издание М.Н. Каткова газета «Московские ведомости» занимала активную позицию не только в деле идейного обоснования неизбежности монархического строя в России, но в формировании общественного мнения. Крупнейший публицист официального толка, Катков предвосхищал и подготавливал общественное мнение к мерам правительства по важным вопросам, от решения которых зависело воплощение мер, которые назывались «охранительными», то есть упреждающими крушение абсолютизма.

«Московские ведомости» были постоянным чтением императоров Александра Второго и Александра Третьего, считавших их «своей» газетой. Незадолго до смерти Каткова Победоносцев писал о нём царю, как о единственном журналисте, «умном и чутком к истинно русским интересам и к твёрдым охранительным началам», называя всю остальную «охранительную» печать «мелочью, или дрянью, или торговой лавочкой...» – таково мнение и современного исследователя идеологии самодержавия, построившего свою работу на материалах изданий Каткова.[2]

Среди вызревших и провозглашенных идей о мерах по укреплению существующего строя были и меры из числа популистских, должных убедить народ в заботе о нём для его же блага, хотя история доказала сложность воплощения некоторых умозрительных спасительных мер, «спущенных вниз». Спустя несколько лет после учреждения Комитета попечительства о народной трезвости в печати обсуждались возможные меры борьбы с пьянством и лечения алкоголиков.[3] Другая сторона поставленной проблемы – подъём культурного уровня народа путём отвлечения его от порока мерами просвещения – кажется нам интересной и насущной.

Возможно, прообразом будущих Комитетов попечительства о народной трезвости было финское общество «Друзья трезвости», основанное в 1883 году: через десять лет его 150 отделений объединяли более девяти с половиной тысяч членов, причём «к нему примыкает союз учителей и учительниц, которые в школах проповедают полное воздержание от спиртных напитков».[4]

Первое общество трезвости было учреждено в Санкт-Петербурге в 1890 году, через четыре года в его работе участвовали 731 человек, причём считалось, что «... сельскому населению принадлежит в России инициатива устройства Обществ трезвости ... мирские приговоры грозили за излишнее употребление вина штрафом и телесным наказанием...»[5]

Чтобы понять принципы устройства общественной организации в государственной практике девяностых годов прошлого века, надо учесть, что они подпадали под понятие «союзный строй»: «... степень его развития зависит с одной стороны от того, насколько население проникнуто сознанием свободы личности, с другой стороны – от тех юридических ограничений, которым государство подвергает свободу личности, и от тех юридических форм, в которых государственная власть регулирует и охраняет возникновение и деятельность ассоциаций...»[6]

Кроме упомянутых публикаций в периодической печати девяностых годов, так же открыто говорил о пагубном пристрастии к алкоголю простолудинов Лев Толстой, которого смолоду «смущали» этические и социальные искания, духовная жизнь людей за пределами его круга. К восьмидесятым годам назидательный тон в его творчестве вылился в трактат «Так что же нам делать?», после которого он меняет адресата своих произведений и наставляет людей искусства и вообще культуры сделать то же: посвятить свой талант не «культурной толпе», а народу.

Этическое начало в общественной жизни выходит на первый план как доказательство его превосходящего значения в воспитании нравственных принципов – к чести государства надо признать, что именно по его инициативе было организовано на добровольных началах всероссийское общественное движение при поддержке казны, каким было Комитет попечительства о народной трезвости с 1894 года.

Этот замысел родился как противодействие иным организациям – революционным кружкам и как вспомоществование местным общественным лидерам в их общении с народом: работа культурной части публики могла стать сотрудничеством с людьми в форме налаженного, интересного досуга; предполагалась и обратная связь, когда сельские общества выступали бы с инициативой ограничения пьянства и регулировали бы продажу спиртного. Ожидалось, что кроме помощи казны, благотворительные взносы

будут направляться на расширение библиотек – читален, устройство развлечений – чтений, спектаклей, гуляний: в этом видели путь перераспределения средств в пользу беднейшего населения, причём, на принципах добровольных, т.е. сознательно, как благоволение из принципов, что имело бы свою внутреннюю ценность.

Устав Комитета попечительства о народной трезвости определял цель его создания как служение одного сословия другому: «... изыскивать средства для предоставления ему (населению) возможности проводить свободное время вне питейных заведений и с этой целью устраивать народные чтения и собеседования, составлять и распространять издания, разъясняющие вред злоупотребления спиртными напитками, открывать чайные, народные читальни. ...Средства попечительства составляют суммы, ассигнуемые от казны, частные пожертвования, сборы от продажи изданий и устройства чтений, общественных развлечений и т.п.

Губернские Комитеты образуются под председательством губернатора, из первенствующего члена – епархиального архиерея, депутата от духовного ведомства, губернского предводителя дворянства, председателя и прокурора окружного суда, вице-губернатора и управляющих палатами, директора народных училищ, представителей земств, городского головы губернского города, врачебного инспектора и т.д.»[7]

Устав Комитета попечительства о народной трезвости, разработанный и предложенный от имени правительства, имеет вид и смысл регламента устройства учреждения государственного масштаба. Он предполагает, судя по составу губернских Комитетов, руководство и участие в делах Обществ первых лиц губернии, наделённых государственными полномочиями: такой социальный состав должен был обеспечить их престиж в глазах народа, серьёзный подход и высокую исполнительскую дисциплину, а подчинение обществ Министерству финансов – поддержку казны. Сам министр финансов С.Ю. Витте видел и проводил отмену акциза, введение государственной монополии на производство и продажу питей и деятельность Обществ попечительства о народной трезвости как единую реформу в русле финансовой и внутренней политики государства.

Особую роль Устав Комитета отводил духовенству как средству культурного воспитания народа и орудию наставления заблудших – этот мотив в царствование Александра Третьего истолковывался некоторыми современниками как реакционный, – но С.Ю. Витте даёт ему иное объяснение: «Нигде в цивилизованных странах нет такого количества безграмотных, как у нас в России. Можно сказать, что русский народ, если бы он не был народом христианским и православным, был бы совершенно зверем; единственно, что отличает его от зверя – это те основы религии, которые переданы ему механически или внедрены в него посредством крови. Если бы этого не было, то русский народ при своей безграмотности и отсутствии всякого, самого элементарного образования был бы совершенно диким. Поэтому, не касаясь вопроса о том, что лучше: светское образование народа или же образование посредством духовенства, так как вопрос этот вообще при нынешнем положении дела долго будет совершенно неуместным, я считаю, что всякое образование народа полезно и всякий искренний человек, не преследующий каких-нибудь побочных политических идей, должен сочувствовать всякому образованию».[8]

Как искренний монархист, С.И. Витте обращает наше внимание, что эти реформы начали проводиться в царствование Александра Третьего, когда «простой народ» был опорой режима, а царь – воплощением пастьера: «Император Александр Третий относился глубоко сердечно ко всем нуждам русского крестьянства в частности и русских слабых людей вообще. Это был тип действительно самодержавного монарха, самодержавного русского царя; а понятие о самодержавном русском царе неразрывно связано с понятием о царе как о покровителе – печальнике русского народа, защитнике русского народа, защитнике слабых, ибо престиж русского царя основан на христианских началах...».

Таким образом, возложение общественных обязанностей на руководителей Обществ попечительства о народной трезвости было поручением царя местным лидерам, а сами общества и их деятельность были, в достаточной степени, управляемыми.

Спустя десять лет после учреждения обществ был проделан сбор сведений и анализ деятельности (так называемые Сводные данные), который убедительно доказывает, что размах работы и распространение мер по подъёму культуры достигли больших масштабов.[9]

Число народных читален-библиотек к концу 1904 года достигало 3520, в 1894 году их было 124; в среднем на одну губернию их приходилось 49,5 и 9,5 соответственно; число посетителей достигло 6,5 миллионов человек в год; число книжных складов в 1904 году – 415; в 1896 году состоялось 62032 публичных чтений для 9 миллионов человек.

К началу нашего столетия выработался тип культурно-просветительного учреждения, так называемый Народный дом, который в одном здании сосредоточивал народную аудиторию (зрительный зал), читальню, библиотеку, книжный склад и чайную с большим или меньшим количеством периодических изданий, механическими музыкальными инструментами и играми (преимущественно шашками). Замечено, что попечительства «...не оставили без внимания и вопроса о придании чайным характером не простых чайных трактиров, а учреждений, могущих иметь значение простонародных клубов...». В 1904 году число посетителей всех чайных и столовых попечительств достигло 70 миллионов человек. Просветительские цели создания этих центров досуга предполагали украшение их историческими и другими поучительными картинами, сменяемыми картонными библиотеками-выставками из плакатов и объявлений нравоучительного характера; календари, справочники, глобусы и карты, подвижные коллекции из музеев, стереоскопы, граммофоны и др. подобные аппараты, «могущие занять и развлечь народ».

Преодоление неграмотности среди взрослого населения также было заботой Обществ: на 1905 год число вечерних классов и воскресных школ достигло 455, причём «...особенного внимания в этом

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИТЕТА ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА О НАРОДНОЙ ТРЕЗВОСТИ В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ (1894 -1914)

отношении заслуживает деятельность Киевского городского Комитета, в ведении которого состоит 26 вечерних классов для взрослых при 15 городских училищах...».

Свыше одной тысячи оркестров и хоров было создано на средства обществ в это время, набирали популярность театральные представления в губернских и крупных уездных городах, но особенной заслугой Комитетов был рост числа Народных домов: к 1 января 1905 года их было 1470, причём 145 – в собственных выстроенных или приобретенных помещениях.

Первоначально Общества развернулись во многом за счет казны, например, в 1896 году пособия составили до 95 процентов средств, а в 1904 году покрывали менее половины сумм, расходуемых Обществами. К этому времени казна выделяла огромные средства – более 4 миллионов рублей, а Общества имели движимого и недвижимого имущества более чем на 7 миллионов рублей, причём с особым размахом работа была поставлена в Санкт-Петербурге и Москве.

Сведения из упомянутых “Сводных данных” были доведены до Комитетов по всему государству, что было пропагандой идей и возможностей Обществ, а также доказательством большой меры участия государства в культурной и просветительной работе среди широких масс населения. Предусматривалась и материальная помощь попечительств домам трудолюбия, столовым, комитетам по устройству народных чтений, читальням и вечерним классам, т.е. сотрудничество их с подобными общественными организациями, не входящими в структуру Обществ попечительства о народной трезвости.

С первых лет существования Комитетов в Таврической губернии были созданы Губернский, городские и уездные комитеты, налаживалась их деятельность и отчётность. Государственная поддержка и размах, с которыми проводилось введение государственной монополии на торговлю и производство «питей», коснулись с конца 1894 года южных областей империи: «... ввести в украинских губерниях Волынской, Екатеринославской, Киевской, Подольской, Полтавской, Таврической, Херсонской, Черниговской»[10] узаконения, которые были уточнены в начале следующего года : «Министру финансов предоставляется по соглашению с Министром Внутренних Дел, воспрещать по мирским приговорам сельских обществ и постановлениям городских Дум производство в селениях и городах продажи питей в праздничные и другие дни, как в продолжение целого дня, так и в течение некоторых часов дня...»[11] Такие меры со стороны сельских обществ и городских Дум должны были быть подкреплены распространением среди населения здравых понятий о вреде неумеренного употребления крепких напитков, а также предоставления ему возможности проводить свободное время за культурными занятиями, создать которые и должны были местные Комитеты – такого содержания письмо было направлено Министром финансов С.Ю. Витте в адрес Таврического генерал-губернатора П.М. Лазарева с разъяснением государственной политики в проведении этого начинания: «В основе Закона о попечительстве о народной трезвости лежит мысль предоставить особым органам, облеченным авторитетом правительственной власти, и в составе коих войдут лучшие силы общества, бороться против неумеренного потребления крепких напитков и, следовательно, предупреждать как экономическое расстройство, так и те преступления и проступки, которые нередко являются следствием пьянства ...»[12].

Таким образом, правительство привлекало лидеров местных обществ и государственных людей, выделяло немалые средства и предоставляло инициативу в культурно-просветительной работе среди «простого народа», т.е. крестьян и небогатых горожан – социальная ориентация даёт нам возможность сделать вывод, что Общество попечительства должно было стать самой массовой общественной организацией, лояльной к правительству, если учесть, что ко времени начала действия Общества сельского населения в Таврической губернии было 1124269 человек и мещан более 200 тысяч [13].

К 1906 году в городах и уездах Таврической губернии самыми крупными комитетами по числу обязательных членов были Симферопольский, Мелитопольский и Ялтинский. Библиотеки- читальни возникли во всех уездах, в г. Симферополе – 2, большее их число разместились в Ялтинском уезде – 8; там же чаще проводились музыкально-литературные вечера и строился Народный дом [14].

В г. Симферополе, где с 1900 года председателем Комитета был генерал-майор А.Н. Кузьмин, который пользовался авторитетом у горожан, возникли народный театр, две библиотеки-читальни, оркестр балалаечников и курсы черчения и рисования.

Значительными средствами из казны и местных отчислений располагал Комитет Днепровского уезда - на них содержался духовой оркестр, устраивались народные чтения и было создано 7 библиотек.[15]

В Феодосийском уезде и г. Феодосии, которая была культурным центром, как мы уже отмечали выше, число народных оркестров достигло 18, народных хоров – 23; средства поступали от театральных представлений (6), литературно-музыкальных вечеров (9), ёлок и танцевальных вечеров (10), так что было возможно содержать 3 библиотеки-читальни и устраивать чтения.[16]

Отчёт за 1906 год сообщает, что народные чтения чаще всего проводят учителя, и эта традиция будет развиваться и далее. Библиотеки-читальни выписывали 20 наименований периодических изданий, а самыми популярными были «Новое время», «Крымский вестник», «Биржевые ведомости», «Нива», «Крымское слово», «Стрекоза», «Вокруг света», «Петербург», «Природа и люди», наибольший спрос держался на романы и повести.[17]

Представляет интерес анализ деятельности Комитета по Мелитопольскому уезду в той его части, где мы можем получить представление о социальном составе посетителей бесплатной библиотеки г. Мелитополя на 1 января 1906 года. Из числа читателей две трети составляли дети до 15 лет, из взрослых читателей мужчин было вдвое больше, чем женщин; из крестьянского сословия посетителей было около 500, а мещан – 821; по образовательному уровню абсолютное большинство читателей не поднялось выше

народных училищ и занимались черной работой, ремесленничеством, домашним хозяйством. Если же рассматривать состав читателей по вероисповедному принципу, то наибольшие группы составляли иудеи (675 человек) и православные (625 человек), а наименьшую – магометане (3 человека).[18] Наибольший интерес вызывала детская литература, беллетристика и периодические издания, меньше всего востребовалась юридическая литература, в то же время спросом пользовались книги по истории литературы и искусства, богословию, естествознанию, медицине и гигиене; в среднем каждый подписчик прочитал 22 книги за год. По-видимому, библиотека вызывала интерес определенных групп населения, прежде всего мещан и крестьян, т.е. выполняла свою функцию в полной мере, причём в последующие годы количество посещений колебалось незначительно: в 1905 году – 1364 человек, в 1906 году – 1488 человек, в 1910 году – 1470 человек; только за 1910 год фонд пополнился на 511 томов, а периодических изданий было выписано на 1911 год на 200 рублей.[19]

В ведении Симферопольского городского Комитета на 1910 год находились две библиотеки-читальни, причём, одна действовала с 1900 года, другая с 1903 года, которые имели посещений в указанный год 17262 при сравнительно небольшом числе посещений в одной из них, которая расположена «в районе, население которого состоит из татар, мелких торговцев, ремесленников и чернорабочих, недостаточно ещё подготовленных к посещению подобных учреждений...» – замечание о том, что библиотека располагалась в рабочем районе, сегодня мы бы оценили положительно, как и то, как распределились «по занятиям» читатели: учеников 164, учителей 11, ремесленников 24, торговцев 13, служащих столько же, чернорабочих 83 [20]. В 1910 году городской Комитет провёл 56 чтений с показом 794 картин по беллетристике, географии, истории, астрономии, ботанике; было оказано пособие Обществу Симферопольских врачей на устройство чтений по медицине и гигиене; в среднем каждое чтение посетили 124 человека.

Лекторами на народных чтениях выступали учительницы городских народных школ, заведующий городской библиотекой, присяжный поверенный, химик, поверенный по частным делам в присутствии чинов полиции. Довольно высокий образовательный уровень лекторов не помешал уместочению правил проведения народных публичных чтений: «... чтения должны проводиться только по печатным сочинениям, одобренным Министерством Народного Просвещения или по тексту рукописному, одобренному Директором Народных училищ, каковые условия лекторами признаны стеснительными». Лекционный Комитет не признал возможным продолжать чтения при изменившихся условиях, вследствие чего народные чтения от имени городского Комитета были с 6 ноября временно прекращены.[21] Ситуация разрешилась передачей волшебных фонарей и картин в распоряжение Городской Управы, от имени которой и возобновились чтения. По-видимому, подобные утеснения не могли остановить намерения активистов Комитета, работа которого имела планомерный характер. Симферопольский Комитет имел в своём распоряжении более тысячи картин для иллюстрации чтений и обменивался ими с Симферопольским городским Благотворительным Обществом, Севастопольским Комитетом попечительства, а также выдавал для пользования духовным, земским, городским и частным училищам, приютам, то есть выполнял функции культурного центра.

В то время на строительство Народного дома было накоплено более 12 тысяч рублей, а театральное помещение, с 1900 года предоставленное в распоряжение городского Комитета Дворянским собранием, опять перешло в распоряжение собрания. Таким образом, самым популярным культурным мероприятием городского Комитета оставались танцевальные вечера, их посетили более двух тысяч мелких ремесленников, служащих в торговых заведениях и частных домах – ситуация типичная в губернском городе.

Достаточно привлекательной выглядела деятельность заступающего место председателя Бердянского уездного Комитета попечительства Ипполита Дувина, при котором учреждено было 24 чайных с читальнями при них, где нашли себе временное развлечение около 250 тысяч крестьян в год – И. Дувин был представлен к чину действительного статского советника, что говорит об очень высокой оценке его заслуг перед обществом и правительством.[22]

Особенно активной была работа Комитета в Ялтинском уезде, где предметом гордости был Народный дом в пос. Кореиз с библиотекой, читальней, чайной, зрительным залом: там было устроено в 1910 году 7 спектаклей, 6 литературно-музыкальных вечеров, 1 концерт. Как мы выяснили, это здание было построено на земле графини Паниной на её, И.Ф. Токмакова и благотворительные средства.[23]

В Комитет Ялтинского уезда входили небольшие отделения по всему Южному берегу Крыма, включая Алушту, и народные чтения были там самой распространенной формой работы: в 1909 году провели 219 чтений, в 1910 – 173 чтения. Кроме помощи от казны Комитет пользовался поддержкой владельцев имения в Алушке Воронцовых-Дашковых: они предоставили бесплатное помещение с отоплением и электрическим освещением для народной библиотеки.[24] Именно Ялтинским уездным Комитетом были возбуждены ходатайства о представлении к Высочайшим наградам активных членов-соревнователей и два ходатайства из поданных трёх были удовлетворены.

В то же время (1912 год) были представлены к наградам активисты Особого Комитета попечительства по Керчь-Еникальскому градоначальству: врач Е.И. Василькиоти, надворный советник, и заведующий начальной школой Н.И. Заюнчик, почётный гражданин, работавший учителем с конца 80-х годов – оба к ордену святого Станислава III степени.[25]

Интеллигенция Керчь-Еникальского градоначальства предложила интересную форму просветительской работы совместно с местным Особым Комитетом попечительства о народной трезвости: в 1904 году был учреждён Юридический отдел «для подачи народу юридической помощи», для чего был запрошен и получен от такого же отдела при Житомирском городском Комитете попечительства опыт его устройства, успешно там воплощенный, – «Образец временных правил консультаций присяжной адвокатуры».[26] Это

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИТЕТА ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА О НАРОДНОЙ ТРЕЗВОСТИ В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ (1894 -1914)

был единственный в своём роде пример создания бесплатной юридической консультации в Таврической губернии и один из немногих примеров деловых контактов и обмена опытом между Комитетами разных губерний, не инициированный сверху. Вскоре на одном из заседаний бюро отмечалось, что невозможно ограничивать свою деятельность лишь бесплатными консультациями два раза в неделю, но надо взять на себя труд написания прошений и выступать в суде, а также “устроить ряд публичных лекций по юриспруденции, в которых изложить основы её популярно и доступно”, то есть юристы по своей инициативе расширили поле проблем и предложили способ их расширения именно в структуре Комитета попечительства потому, что деятельность этой общественной организации пользовалась поддержкой правительства. Отработана была и форма государственного контроля за публичными чтениями на юридическую тематику: например, активист бесплатного юридического бюро О.А. Дубоссарский, который выступал с чтением лекции «Судебные Уставы императора Александра Второго», высылал конспект попечителю Одесского Учебного округа и получил одобрение.[27]

Керчь-Еникальский Особый Комитет попечительства участвовал в общегосударственных культурных акциях-праздниках по поводу столетия со дня рождения А.С. Пушкина и двухсотлетия победы в Полтавской битве совместно с учителями городских школ; там же устраивались народные чтения на такую тематику: «О Кольцове», «Забывтый рудник» (по В. Немировичу-Данченко), «Ужасный день» (по Станюковичу), «О Гоголе», «Полтавская битва» – по-видимому, тесное сотрудничество с начальными школами, а не только взрослым населением, было следствием участия в делах Комитета градоначальства таких энтузиастов, как почетный гражданин Н.И. Заюнчик, который справедливо считал, что идеи попечительства о народной трезвости должны иметь распространение среди особ юного возраста.

В апреле 1909 года на праздновании юбилея Н.В. Гоголя с участием 250 детей и более 100 взрослых в присутствии градоначальника хор певчих исполнял малорусские песни: «Гой ты Днепр», «Рева та стогне Дніпр широкий», «Сонце низенько, вечір близенько», «Гуляв чумак на риночку», а после концерта был представлен спектакль «Женитьба».

Нам удалось выяснить факт существования в 1901 году малороссийской труппы в Керчи в летний период, где наряду с местной антрепризой игрались такие спектакли как «Тарас Бульба», «Мартин Боруля», «Сватання на Гончарівці», «Шельменко-денщик», «Наталка-Полтавка».[28]

Для создания летнего театра Особому Комитету Керчь-Еникальского градоначальства было выделено полторы тысячи рублей Министерством финансов, причём годом раньше сюда поступило письмо за подписью министра финансов С.Ю. Витте «К вопросу об обустройстве попечительствами о народной трезвости театральных для народа развлечений».[29]

Саму идею о включении театрального дела в практику Комитетов попечительства господин министр одобрял: «... при правильной постановке дела театральные представления могут служить не только приятным развлечением, одинаково доступным как грамотным, так и неграмотным, но и средством для нравственного воздействия на народные массы...».

Министр наставлял местных деятелей помнить о прямом назначении Комитетов в их стремлении заполнить досуг «низших классов» и привить им «здоровые понятия». Появление письма вызвано требованием «большой осторожности в выборе пьес, чтобы театральные представления ставились по списку рекомендованных пьес и были адресованы простолюдину – в этом есть объяснение терминов: «общедоступный» театр в отличие от «народного» театра был доступен пониманию своего зрителя, спектакли его адресованы культурной публике.

В полемике о нуждах «простого народа» своё место занимает вопрос об особенностях восприятия «мужика», о пороге возможного и степени понимания им идей, заложенных в драматургии. Специальное исследование на эту тему проделал в 1905 году знаток народного театра, литератор Леонтьев (Щеглов), который был командирован для изучения постановки этого дела в различные губернии и предложил свой вариант репертуара для решения задач, «к которым должен стремиться народный театр в руках общественных организаций» – «Сто пьес для постановки на сценах народных театров».[30] Автор исследования делает вывод, что самые полезные жанры для народа это комедии, водевили, исторические хроники; однако такие пьесы, как «Гамлет», «Король Лир», «Отелло», «Горе от ума», «Горячее сердце» и «Москаль-Чаровник» могут быть допущены с исключениями; самый популярный автор А.Н. Островский опережает Шекспира и Мольера; рекомендованы и лучшие пьесы украинских авторов: Котляревского, Карого, Квитки (Основьяненко) и Кропивницкого.[31]

В упоминавшемся летнем «народном» театре Керчь-Еникальского градоначальства шла только что появившаяся в столичных театрах пьеса А.П. Чехова «Три сестры» наряду с его же пьесой «Иванов» и «Властью тьмы» Л. Толстого – из 75 прошедших за летний сезон спектаклей большинство ставились по самым лучшим, мирового уровня пьесам по выбору антрепренёра, но руководствовался он, конечно, оценкой зрителя. Народный характер творчества украинских драматургов и большая популярность украинской музыки объясняют успех спектаклей народных театров в столицах и в провинции, который сопутствовал им задолго до официального одобрения.

Вопросу целесообразности устройства народных театров посвящена записка члена Таврического губернского Комитета попечительства о народной трезвости, управляющего акцизными сборами Таврической губернии И. фон Шведера, интересная для нас тем, что отражает подход современника (записка датирована 1900-1901 годами.) к проблеме адресной помощи простому народу: «...Для наглядного указания нецелесообразности устройства на средства Попечительства народных театров даже в таких сравнительно больших центрах каким является, например, Симферополь, я приведу некоторые сведения о

народных театрах, действующих в городах Севастополе и Керчи. Одно внутреннее устройство народных театров в этих городах указывает уже, что театры эти рассчитаны не только для народа, но и для интеллигентного класса; так в Севастопольском театре имеются две ложи, 3 ряда кресел, затем скамьи, хоры и галерея. В Керченском летнем народном театре имеются 12 лож, 4 ряда кресел, скамьи и галерея...

В дни представлений для народа по ценам, не доступным для народа, какими я считаю цены свыше 20 копеек отводится мест в Севастопольском театре 30 процентов, а в Керченском 35 процентов; в дни же будние во время общедоступных представлений отводится мест по ценам свыше 20 копеек 84 процента. Таким образом, в устроенных для народа театрах, отводится мест для народа во время спектаклей, даваемых исключительно для народа, лишь 65 -70 процентов... ..Во время народных спектаклей места по ценам свыше 20 копеек... бывают всегда заняты не народом, а более состоятельным классом горожан и интеллигенцией, посещающей театр ради любопытства и дешевизны цен... Театр оказывается устроенным не для простого народа, а для среднего мещанского сословия (приказчиков и господской прислуги)...[32]

Считая, что затраты на устройство народных театров на самом деле оказываются употребленными не самыми простыми и бедными людьми, автор записки не соглашается с репертуарной политикой этих зрелищ: «...Как известно, для народных спектаклей установлен особый обязательный каталог пьес, которого Комитет придерживается лишь в отношении представлений, носящих, так сказать, явно народный характер... Но Комитеты для усиления своих средств в тех же помещениях дают в будние дни общедоступные спектакли и в отношении этих представлений вовсе не придерживаются каталога пьес для народа, а так как цены на некоторые места во время этих представлений всё же остаются доступными для народа, то он и посещает эти представления несмотря на то, что сюжет этих представлений очень часто бывает вовсе не соответствующим его понятиям, а иногда и прямо для него вредным...»

Сегодня эти рассуждения современника, очевидца и участника общественного движения, возникшего как помощь «простому народу» от имени «культурной публики» при поддержке на государственном уровне во-первых, дают нам достоверные сведения о настоящем положении дел в культурной политике, когда абсолютное большинство населения (в Таврической губернии 80 процентов) были сельскими жителями, то есть в массе уездного населения среди мужчин было 32,6 процента грамотных, а среди женщин 13,9 процентов (по уже упоминавшимся материалам Первой Всероссийской переписи 1897 года) – отсюда видны масштабы работы в борьбе за здоровый образ жизни средствами культуры, которую вели Комитеты попечительства; во-вторых, социальный состав и уровень потребления культуры той частью населения, которая подходила под определение «простой народ», предполагали создание культуры особого качества, приспособленного для усвоения «простолюдными». Учреждение культурных заведений особого сорта, какими были чайные и читальни, народные чтения, гулянья, народные театры и литература, было попыткой создания массовой культуры – в масштабах Российской Империи эта работа представляла огромную трудность и может быть оценена как безусловно полезная. Поисками путей влияния на народное сознание средствами культуры занимались выдающиеся мастера, например, Л.Н. Толстой: он обратился к особому жанру, которому свойственны стремление подчеркнуть, выпятить идею, учительность, назидание, аллегоричность; такой «проповедью» в светской форме стала народная пьеса о вреде пьянства «Первый винокур, или Как чертёнок краюшку заслужил» – 1886 год, созданная для народного, «балаганного» театра.

Массовость и доступность культурных акций были обязательными и главными условиями целесообразности – автор вышеупомянутой Записки вполне аргументированно показывает это на конкретном примере: «Я полагаю, что никто из членов Комитета не станет оспаривать, что как в остальных местностях Империи, так и в Таврической губернии пьянство распространено главным образом среди тёмной массы нашего коренного русского населения, т.е. среди крестьян-жителей вне городских поселений и среди беднейшего рабочего класса в городах; а потому и меры, направленные к удержанию населения от пьянства, должны быть принимаемы главным образом по отношению к русскому населению...». Далее автор показывает, как в городах Перекопе и Евпатории, где русское православное население составляет 54,67 процента и 43,9 процента соответственно, есть чайные-читальни, а в северных уездах с русским населением их недостаточно, так что «...горожане и без чайных могут найти себе развлечение... Народные театры, устраиваемые обыкновенно на весьма широкую ногу, требуют весьма значительных средств на своё содержание и средства эти даются или из особых фондов Государственного Казначейства, или частными благотворителями... На этом основании я ...позволяю себе утверждать, что отчисленная на постройку народного театра в г. Симферополе сумма в 5 тысяч рублей, по моему мнению, должна быть теперь же обращена на устройство народных чайных ... с открытием при них читален...»

Требования массовости и доступности в культурно просветительной работе среди крестьян и рабочих вызвали к жизни особого рода литературу, называемую в газетах «опростелой», которая распространялась через Комитеты попечительства о народной трезвости и имела целью толковать и комментировать политические события в стране. Такая сторона деятельности Комитетов на местах поощрялась правительством с 1905 года, когда надо было в доступной пониманию малограмотного человека форме довести до каждого смысл реформ и механизмы их проведения. Рекомендую подписаться на газету «Русское чтение», о ней пишут в объявлении, что это «приноровленное к пониманию простого народа» издание, а ежемесячный художественно-литературный журнал «Народная читальня» с картинками и рисунками обещает публиковать сообщения, касающиеся, главным образом, народной жизни.

Издания различных общественных организаций с одобрения Министерства Финансов поступают во все Комитеты Таврической губернии, сопровождаемые письмом: «В виду всеобщего ныне интереса к вопросам экономическим и политическим, многие из Комитетов попечительства о народной трезвости озабочены пополнением содержимых ими библиотек-читален...». Тема многих народных изданий – реформы 1905 года и их толкование:

**ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИТЕТА
ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА О НАРОДНОЙ ТРЕЗВОСТИ В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ (1894 -1914)**

- «Что дал император Николай Второй русскому народу?» Издание для народа и войск;
- «О Государственной Думе». Издание постоянной комиссии по устройству народных чтений в Санкт-Петербурге и его окрестностях;
- «Беседа о неприкосновенности личности и свободе совести, слова, собраний и союзов», издано там же;
- «Царство толпы», издание кружка друзей свободы и порядка;
- «О Государственной Думе», издание Союза 17 октября;
- «Довольно насилий», издание Братства, свободы и порядка;
- «Революционная смута и городская милиция»;
- «Слово к народу о выборах членов Государственной Думы из крестьянского населения»;
- «Чего хотят люди, которые ходят с красными флагами», издание Братства, свободы и порядка.[33]

Все эти издания должны были послужить идее просвещения народа в духе отвращения к революционному насилию: «...если же душа ваша полна драгоценнейшим для всякого человека представлением родины, то отвернитесь от этих флагов и положите все ваши силы на созидание правового государства...».[34]

«...Когда же опомнятся, наконец, русские люди: реакционеры (то есть те, которые недовольны Манифестом 17 октября и не желают созыва Государственной Думы, боятся участия народа в управлении Родиной) и республиканцы – революционеры (то есть люди, желающие низвергнуть русского царя, расчленив Империю великую и создать вместо единой России федерацию – то есть десяток или два отдельных княжеств с выборными правителями-президентами)? Так вот и те, и другие общества и союзы, точно сговорившись, режут несчастную Родину, одинаково мешая правительству и народу успокоиться, одуматься и приняться за производительную работу. Где найти слов, чтобы заклеить по заслугам ужасную деятельность лиц, подстрекающих к беспорядкам, смутам и забастовкам? Какими бы резонами ни объясняли люди своего ужасного подстрекательства, чем бы ни прикрывались – в том разницы нет никакой. Не всё ли равно народу русскому многострадальному, красные ли крамольники нарушают спокойствие Родины или белые, лже-патриоты мешают работать правительству, тормозя его полезные начинания...»

Курс на отмежевание от противоправительственных движений и сил был в определенном смысле директивной для учреждений Комитетов попечительства о народной трезвости, что видно из тематики народных чтений и литературы для их проведения и читален; в том же направлении призвано было работать и духовенство, авторитетное в глазах простого народа, когда священнослужители выступали по темам, рекомендованным издателями «Кафедры Исаакиевского собора»:

- «Дружеский совет русскому народу перед выборами в Государственную Думу», «Обращение служилого Московского дворянства», «Русским рабочим», «Голос русского сердца»;
- «Обращение жителей села Красного – костромичей» с выражением верноподданнических чувств прямо высказало отношение Святейшего Синода к роли крестьянства в сохранении монархического устройства государства, как это было однажды, когда на костромской земле началось правление династии Романовых [35].

Именно в изданиях «Кафедры Исаакиевского собора» прочитывается настойчивое сравнение настоящего момента с событиями Смутного времени: адресуясь к простому человеку, проще было подсказать историческую параллель, чем объяснить внутреннюю политику правительства и цели реформ в государстве в начале нашего века.

Удручающе низкий культурный уровень так называемых «огарков» фабричного люда заставил авторов брошюры «О праздничном отдыхе» прибегнуть к сравнению образа жизни жителей немецкой и русской деревень по берегам Невы, где немецкие усадьбы ласкают взор достатком и чистотой, а о русских сказано с осуждением: «... Кругом беднота, точно погром какой прошёл. А рядом большой казённый завод – меньше 80 копеек за день и платы нет. Но семья денег этих не видит: они все в трактире остаются. Работает мужик в неделю два, три дня, не больше, а остальные то празднует, то с похмелья...» [36].

Такого рода тематика, народных чтений рекомендовалась Министерством финансов для Комитетов попечительства о народной трезвости, которые были средством проведения культурной политики правительства в условиях периода реформ:

- в противовес антиправительственным выступлениям государство создавало и поддерживало общественные организации под руководством государственных служащих, лояльной интеллигенции и духовенства;
- как мы видим на примере культурных учреждений Комитетов попечительства о народной трезвости их деятельность направлялась и осуществлялась в русле той внутренней политики царского правительства, которая характеризуется как «охранительная»;
- деятельность Комитетов продолжалась почти 20 лет, что доказывает их востребованность и жизнеспособность, причём доля участия казны в финансировании их учреждений неуклонно уменьшалась;
- если учесть, что учреждения Комитетов попечительства о народной трезвости проводили культурно-просветительную работу среди «низших классов», то надо признать, что такого масштаба работу проводила ещё только одна неправительственная организация – земство;
- культурно-просветительная деятельность учреждений Комитетов попечительства о народной трезвости преследовала конкретные цели и работала над их достижением в аспекте организации досуга,

распространения знаний и пропаганды здорового образа жизни, т.е. объективно способствовала повышению культурного уровня населения, в чём мы убедились на примере Таврической губернии.

Источники и литература:

1. Витте С. Ю. Избранные воспоминания (1849-1911). – М. : Мысль – 1991 – С. 256–257.
2. Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия. (М. Н.Катков и его издания). – М.:Наука, 1978 – с. 4.
3. Чехов Ал. П. Алкоголизм и возможная с ним борьба // Новое время – 1897 – № 7945, 12 апреля.; Пьянство и безумие. // Неделя –1897 – № 2, 20 июля.
4. Попечительство о народной трезвости. // Энциклопедический словарь, издатели Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон – Спб – 1898 – т. XXIVA – 626 с.
5. Там же, с. 626.
6. Там же, с. 607.
7. Попечительство о народной трезвости. // Энциклопедический словарь, издатели Ф.А. Брокгауз и И. А. Ефрон Спб – 1898 –т. XXIVA – с. 547.
8. Витте С. Ю. Указ. соч. – с. 260.
9. Сводные данные о деятельности попечительств о народной трезвости с 1 января 1895 года по 1 января 1905 года. – ГААРК, ф. 130, оп.1, д. 111, л. 170–177.
10. Сводные данные о деятельности попечительств о народной трезвости с 1 января 1895 года по 1 января 1905 года. – ГААРК, ф. 130, оп.1, д.2, л.24.
11. Там же, л.2.
12. Сводные данные о деятельности попечительств о народной трезвости с 1 января 1895 года по 1 января 1905 года. – ГААРК, ф. 130, оп.1, д.1, л.1.
13. Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 года – XLI - Таврическая губерния – с. XIV.
14. ГААРК, ф. 130, оп. 1, д. 132, л.12–14.
15. Там же, л. 129.
16. Там же, л. 64.
17. Там же, л. 39.
18. Там же, л.156–157.
19. ГААРК, ф.130, оп.1, д.166, л. 43.
20. Там же, д.167, л. 3–6.
21. ГААРК, ф.130, оп.1, д.132, л. 8.
22. Там же, д.119, л. 1.
23. ГААРК, ф.130, оп.1, д.167, л. 29–30.
24. Там же, л. 33.
25. Там же, ф.164, оп.1, д.66, л. 4–167.
26. Там же, д. 30, л. 6.
27. ГААРК, ф.130, оп.1, д.167, л. 29А–34.
28. ГААРК, ф.164, оп.1, д. 17, л.157–160.
29. Там же, д. 10, л. 1.
30. ГААРК, ф.130, оп.1, д.111, л.115.
31. Там же, л.115–119.
32. ГААРК, ф.130, оп.1, д. 61, л. 1–5.
33. ГААРК, ф.130, оп.1, д. 111, л. 15–102.
34. Там же, л. 102.
35. ГААРК, ф.130, оп.1, д.110, л.19–53.
36. Там же, л. 83.